

Культура. — 2000. —
11-17 мая. — с. 8 29

И это по-нашему?

“Чек” Александра Бородянского и Бориса Гиллера

Слева: кадр из фильма. Справа: Н.Фоменко во время съемок

Приятно писать о фильмах, чьи режиссеры по первой профессии сценаристы. Они если и не снимут чего-то экстраординарного, то уж во всяком случае способны сочинить грамотную аннотацию или, на худой конец, в состоянии ее как следует отредактировать. Мне очень симпатичен случай фильма “Чек”: известный сценарист Александр Бородянский и известный продюсер, по первой профессии опять-таки сценарист, Борис Гиллер не только сочинили на двоих экстраординарную ленту, но и придумали к ней внятную аннотацию. Поверь, читатель, аннотировать фильмы — это тонкое и сложное ремесло на стыке редакторской и журналистской деятельности. Итак: “Авторы сценария — Борис Гиллер и Александр Бородянский

— попытались соединить мелодраму, фильм действия и просто трогательную историю о совсем юных людях, волею судьбы вынужденных противостоять жестокому взрослому миру. Главные герои картины — сводные братья Илья и Акежан, русский богатырь и казахский компьютерный вундеркинд...” Тут все внятно и верно. В том числе честное признание создателей “Чека”, которые считают себя в первую очередь авторами сценария, кстати, настолько хорошего, что, не будучи профессиональными режиссерами, соавторы все-таки не сподобились его “угробить” невероятными монтажными огрехами. Более того, сценарий этот — как говорит молодежь — правильный. Его духовное послание потенциальному зрителю здраво и даже

душеполезно: учись быть сильным и не раскисай, стой за свои интересы и не забывай о родных и близких, других тебе судьба уже не выдаст.

К сожалению, как только симпатичная аннотация начинает претворяться собственно в фильм, здоровая четкость сменяется невнятицей, а правильный message начинает обрывать ненужным пафосом. В принципе, даже авторское определение жанра “Чека” абсолютно уместно, хотя его можно определить и попроще — авантюрная комедия. Так вот, задумавшись, а почему же этот проект не смог состояться именно в жанровом отношении, поневоле приходишь к неутешительному выводу: у нас нет традиций жанрового кино, нет конвейера приключенческих лент, нет опыта

элементарного, чтобы, оттолкнувшись от него, можно было бы снять не просто образчик жанра, но нечто более сложное, эдакую вариацию на тему, объединяющую и комедию, и мелодраму. Борис Гиллер — продюсер картины в полном смысле слова. В Казахстане, где он живет, Гиллер — самый настоящий медиа-магнат, владеец коммерческого телеканала, радио- и издательского дома, и то, как Гиллер потратит свой трудовой капиталистический миллион, безусловно, является его и только его делом. Захотел — сделал фильм. Какой фильм — опять-таки его продюсерское решение. За миллион мог и Эйдельмана экранизировать, мог и Камасутру. Другое дело, ежели некто сподобится экранизировать историческую прозу Н.Эйдельмана

или культовый текст, то возможен серьезный искусствоведческий разговор. Когда же дело касается фильма с сюжетом “Чека” — русский богатырь, казахский компьютерный вундеркинд и детдомовская девочка Соня 11 лет ищут чек на предъявителя на пять миллионов долларов, дабы оплатить вундеркинду операцию в Израиле, — то разговор идет по одному “искусствоведческому” критерию: “нравится — не нравится”. Можно с очень большой долей вероятности предсказать, что многим сверстникам казахского компьютерного гения очень понравится фильм, где что-то постоянно и эффектно взрывается, в том числе настоящие иномарки и шоумен Николай Фоменко. Однако с еще большей долей уверенности можно прогнозировать, что чем старше и насмотреннее будет зритель, тем больше его будет веселить эта невообразимая смесь из каскадерских трюков, клише нынешней “попсы” и тяжеловесного геополитического юмора. Лично меня в совсем уж полный восторг поверг следующий пассаж. Илья объясняет Соне, что им нужно попасть на операцию к некоему доктору Берштейну: “Он наш, он русский, он поможет! — Какой же он русский, если его фамилия Берштейн? — Нет, он русский, ты еще увидишь, он вернется! И все вернется, как только страна поднимется...” Вот это — по-нашему! Вот так мы и легкие жанры делаем, так, чтобы и туда — национальную идею. Или пародию на нее? Еще один любопытный эпизод: директор детского дома по вечерам запирается в собственном кабинете, де-

корированном под грязный подъезд, врубает “Битлз” и пьет портвейн из граненого стакана. “Он, что — алкоголь?” — спрашивают Акежан и Илья воспитанницу детского дома Сою. “Нет, шестидесятник”, — отвечает не по годам развитая девочка.

Мы привыкли раздражаться по поводу легкоперых голливудских сценаристов: могут же, подлецы, любую серьезную проблему, любую историческую реалию свести до легкого штриха, довести до максимальной удобоваримости. Теперь становится очевидно, что подобная простота отнюдь не свидетельствует скудоумия, она достигается долгими упражнениями в жанре. Причем не отдельного автора (что, Александр Бородянский, автор “Царевийцы” и “Ворошиловского стрелка”, не писал настоящих жанровых сценариев?), а всей индустрии. А сложность в жанровой ленте должна быть дозированной. Но чтобы добиться подобной раскованности, продюсеру Борису Гиллеру надо не просто вложить миллион долларов в собственный режиссерский дебют, но еще и возродить производство истернов на бывшем “Казахфильме”. А по поводу аннотации скажу честно. Пересказать содержание фильма “Чек” так, чтобы читатель хотя бы минимально ощутил атмосферу этого произведения, не могу. Удивляюсь, как сами создатели ухитрились. Такой это — по-нашему! — сложный легкий фильм.

Анастасия МАШКОВА